

Всемирную славу Руди Риччиотти принесли проекты, относящиеся к переходным зонам. В первую очередь это мосты и культурные центры с прозрачными, ажурными фасадами, выплескивающиеся в городскую среду и впускающие среду внутрь здания. В работах этого поэтического мастера интерьер города плавно и незаметно перетекает в интерьер здания, а мосты соединяют фрагменты города, как межкомнатные двери. Для современного горожанина, живущего в искусственной среде, пространство города за пределами квартиры или офиса воспринимается как среда относительно естественная, не подпадающая полному человеческому контролю. В пространстве города бывает дождь и снег, могут встретиться не вполне одомашненные животные, птицы, растения... В работах Риччиотти размывается граница между totally искусственной средой интерьера здания и интерьером города, искусственным лишь частично. Вероятно, по мере того, как городская среда становится все более подконтрольной человеку, но одновременно нарастает и ностальгия по естественности – находки и открытия Руди Риччиотти будут становиться все более актуальными и востребованными в нашем урбанизирующемся мире. Ключевые слова: Руди Риччиотти, архитектура, интервью, средиземноморская культура

Константин Лидин

Rudy Ricciotti has become world-famous thanks to his projects related to transitional zones: first of all, they are bridges and cultural centers with transparent lace façades blending in the urban environment and letting this environment inside the buildings. In the works by this poetic master, the city interior is gradually and unnoticeably flowing into the interior of the building, and the bridges link the fragments of the city like interior doors.

A contemporary citizen living in the man-made environment perceives the urban space beyond their apartment or office as a relatively natural environment, which is not subject to full human control. There can be snow, rain, not fully domesticated animals, birds and plants in the city space... The works by Ricciotti blur the boundary between a totally artificial environment of the building interior and a city interior, which is only partially artificial. Probably, as the city environment becomes more controlled by man and the longing for naturalness grows, the discoveries made by Rudy Ricciotti will gain more vital importance and demand in our urbanizing world.

Keywords: Rudy Ricciotti; architecture; interview; Mediterranean culture.

Konstantin Lidin

Руди Риччиотти: «Архитектура в состоянии панического выживания» /

^ Руди Риччиотти / Rudy Ricciotti

текст
Георги Станишев /
text
Georgi Stanishev

Средиземноморская культура южной Франции ближе к соседним районам Испании, Италии и даже Северной Африки, чем к некоторым областям Центральной и Северной Франции. Эти особенности отразились в материальных признаках: белые стены, деревянные террасы и графичные солнечные тени, а в целом – в архаичных обертонках, ссылках на историю и в связях с природой. Географически укорененные в Средиземноморье, но исторически – в «шестидесятничестве», работы Руди Риччиотти представлены здесь текстом интервью 1997 года в сочетании с нашими беседами в 2015 году. Его идеи сочетают полную жизни, витальную средиземноморскую культуру с моралистическими позициями, унаследованными от последнего периода развития модернизма.

Руди Риччиотти – блестящий архитектор и воин. Его личность сильна и обаятельна. Его мысли радикально неожиданны, провокационны и сложны. Какова его архитектура? По его словам, хорошая архитектура – это политическое, культурное и эстетическое приключение.

«Архитектура – битва», – говорит Руди в одной из своих последних книг [1]. Его битвы – против минимализма, а также против максимизма, против радикального шика, но и против Академии с ее ритуалами, против соглашательства, посредственности, против стекла и холода стали. Его оружие – BFUP [2], бетон высокой плотности и невероятной несущей способности.

Один из основных принципов, отраженных в работе и философии Риччиотти, – фундаментальная оппозиция между искусственным и естественным. Но в его постройках эта оппозиция всегда частична, она оставляет пространство для диалога между двумя сущностями. Поэтому, хотя его здания обычно выглядят как естественный ландшафт с минималистскими геометриями и формами, они часто «одеты» в поверхности, соответствующие окружающей среде, интерпретируя и переводя природные материалы из внешнего мира в искусственную структуру проекта. Таким образом, «архитектурная кожа» действует как посредник между зданием и природой. Появление персонализированной архитектуры Риччиотти, похоже, уходит корнями в древние поэтические традиции Средиземноморья. В частности, она напоминает принцип преобразования вещей в «Метаморфозах» Овидия, где происхождение явлений природы – животных, деревьев, холмов – объясняется в мифологии как преобразование человека, то есть, искусственные культивируемые качества – в естественные. Напротив, в работах Риччиотти архитектурный проект, по-видимому, ставит своей целью маньеристическую трансформацию естественных норм в искусственное пространство. Связывающие два мира – естественный и искусственный – работы Риччиотти несут отпечаток процесса перехода. Поэтика этого перелома является ключом к визуальным противоречиям его произведений: появление прямоугольного горизонта в одном из его зданий подразумевает, что эта, самая искусственная из форм, рождается из самого природного ландшафта. Поэтому в маньеристических постройках Риччиотти разделяются обе противоположные черты: они, одновременно, радикально подавляют пейзаж и исчезают в нем.

The Mediterranean culture of southern France is closer to the adjoining regions of Italy and even to North Africa than to some of the regions of central and northern France. This culture is reflected in the material aspects of white walls, wooden terraces and graphic shadows of the sun, and, generally, in archaic overtones, historical allusions and connection with nature. Geographically rooted in the Mediterranean, but historically – in the 'sixties', the works by Rudy Ricciotti are presented here in the interview taken in 1997 together with our conversations held in 2015. His ideas combine a vital Mediterranean culture with moral principles inherited from the last period of the development of modernism.

Rudy Ricciotti is a brilliant architect and fighter. He has a strong and captivating personality. His ideas are radically unexpected, provocative and complicated. What is his architecture? He says that a good architecture is a political, cultural and aesthetic adventure. "Architecture is a combat sport", says Rudy in one of his latest books [1]. He fights against minimalism and Marxism, against a radical stylishness and the Academy with its rituals, against conformity and mediocrity, against glass and cold steel. His weapon is BFUP [2], high-density concrete with an excellent load-bearing capacity.

One of the basic principles demonstrated in Ricciotti's works and philosophy is a fundamental opposition between the artificial and the

Rudy Ricciotti: "Architecture in the State of Panic Survival"

Если вы спросите меня, какой термин я бы использовал, чтобы описать свою работу наиболее точно, тогда я бы выбрал термин «автономия». Я понимаю автономию как лучший способ сохранить природу вещей. В то время как лучший способ заработать деньги тоже необходимо соблюдать – во что бы то ни стало.

Но я должен признать, что, когда вы спрашиваете меня о словах, я могу указывать и называть более «враждебные» слова, чем «дружественные». Они присутствуют в моем мире, равномерно разделенные на противоположные пары... Я за автономию, но против отчуждения. Сегодня скандально говорить, что «у архитектуры нет будущего». Для меня сегодня «хай-тек» звучит китчем. Называть архитектуру «энергичными» звуками – претенциозно. Определение чего-то как «интегрированного» является конформистским и демагогическим. Сказать, что нечто – «городское» означает – «слишком коммерческое». Говорить «минимальный» – означает «лишенный щедрости». Не сказать «ничего» – грустно. Говорить «да» означает «не говорить ничего» и так далее.

Радость противоречий

Тогда что вы хотите показать в своей собственной архитектуре? Всегда существует противоречие между фактической, физической артикуляцией пространства в проекте и его виртуальным архитектурным выражением. Я считаю, что сохранение большого расстояния между этими двумя системами выражения – единственный способ выжить в архитектуре. Архитектура сегодня находится в стадии панического выживания. На протяжении многих лет не появлялось ничего нового в критической и эстетической мысли. Внутрипрофессиональные возможности для обновления архитектуры полностью исчерпаны. Но архитекторы этого не понимают, и они действительно находятся в состоянии паники. Они восстали и раздробили профессию на специальности и специализации и создали искусственные разделения в профессии... в профессии, которая когда-то была универсальной, вплоть до воплощения в ней космического всеобщего начала. Эти брожения бесполезны. Более того – они вредны. Архитекторы, как каста, могут выживать только при цельном подходе к своей профессии, принятой в

в Ажурная «кожа» внешнего фасада, стадион «Жан Буэн», Париж, 2007 / A lace 'skin' of the external façade, Jean-Bouin Stadium, Paris, 2007

в Национальный хореографический центр в Экс-ан-Прованс, 1999 / National Choreographic Center, Aix-en-Provence, 1999

в Рок-концертный зал «Стадиум» в Витролле, 1995, фотография Paul-Raftery / Salle de rock "Stadium", Vitrolles, 1995, photo by Paul-Raftery

natural. But in his buildings, this opposition is always partial. It leaves some space for a dialogue between these two substances. And though his buildings usually look like a natural landscape with minimalistic geometries and forms, they are often 'dressed' in surfaces that correspond to the environment, while transferring natural materials from the outer world into the artificial project structure. Thus, this 'architectural skin' acts like a mediator between the building and nature. Ricciotti's personalized architecture seems to be rooted in ancient poetic traditions of the Mediterranean. Particularly, it resembles the principle of transformation of things in Ovid's Metamorphoses, where the origin of natural phenomena – animals, plants and hills – is explained in the mythology as transformation of a human being, that is transformation of artificial cultivated qualities into natural ones. On the contrary, Ricciotti's architectural design seems to aim at mannerist transformation of natural norms into an artificial space. Linking the natural and the artificial world, Ricciotti's works bear the impress of the transition. The poetics of this turning point is a key to visual contradictions of his works: the rectangular horizon in one of his buildings implies that this most artificial form takes origin from the natural landscape. That is why Ricciotti's mannerist constructions separate two opposite features: they radically suppress the landscape and, at the same time, blend in it.

If you ask me what term I would use to describe my work more precisely, I would use the term 'autonomy'. I understand autonomy as the best way to preserve the nature of things. At the same time, I should also keep to the best way to earn money.

But I should admit that, when you ask me about words, I can use the words that are more 'hostile' than 'friendly'. In my world, they are evenly separated into opposite pairs... I am for autonomy, but I am against estrangement. Today, it is scandalous to say that 'architecture has no future'. For me, Hi Tech sounds like a kitsch nowadays. It is pretentious to use 'energetic' sounds to define architecture. It is conformist and demagogic to say that something is 'integrated'. To say that it is 'urban' means it is 'too commercial'. To say 'minimal' means that 'it lacks generosity'. To say nothing is sad. To say 'yes' means to say nothing, and so on.

Happiness of contradictions

Then what do I want to show in my own architecture? There is always a contradiction between a real physical articulation of the project space and its virtual architectural expression. I believe that keeping a large distance between these two systems of expression is the only way to survive in architecture. Today's architecture is at the stage of panic survival. Nothing new has been produced by the critical

целом, но атакованном с некоторого расстояния, с внешней точки зрения. Точнее, с разных типов расстояний: предельное расстояние – рассчитанное на политически наиболее активных; коллаборационистская дистанция – для самых извращенных; корпоративная дистанция – для самых порочных...

Каково мое расстояние, отражающее мое профессиональное отношение? Мне нравится взаимодействие противоречий и противоположностей между естественным, варварским, диким и искусственным – искусственным, которое культивируется жизнью и выражается в космосе. В архитектуре это расстояние реализуется как преобразование естественных принципов и норм в характеристики искусственного пространства. Поэтому я полностью согласен с теми, кто меня называет «маньеристичным архитектором» и доволен теми художественными возможностями, которые способен обеспечить маньеризм. Но я также отношусь к традиции барокко. Я одновременно мужественный и барочный. Зависит от дней и сезонов. Я обычно – мужчина с 8 утра до 8 вечера, в то время как я – барокко с 8 утра до 8 утра. Я стараюсь делать все, что могу и даже то, что я не могу сделать. Сегодня меня привлекают концептуальные аспекты пошлости, которые я нахожу эстетической сублимацией щедрости.

Контекст как негативный претекст

Если природа играет роль противника в моем архитектурном дискурсе, окружающий ландшафт является претекстом для решения, концептуально отрицательным претекстом. Я думаю, что хорошая интеграция в окружающую среду возможна только благодаря разрыву и ее установке в качестве чего-то радикально противоположного. Так же, как это делается в современной музыке: вещи, которые противоречат друг другу, но которые, в результате, сравниваются и уравниваются. Например, я считаю, что, чем дальше ландшафт находится от горизонтальной поверхности, тем горизонтальнее он должен получиться в здании. Я ненавижу симулирующие жесты материальной интеграции архитектуры с ландшафтом, имитации ее топографии.

Выражение «экспрессивный минимализм» может показаться вам забавным... Хотя я обычно не соотношу свои

and aesthetical thought for years. The inner professional opportunities for renovation of architecture have been completely exhausted. But architects do not understand that. They are really in the state of panic. They rose in revolt and split the profession into specialties and specializations. They created artificial divisions in the profession... the profession which used to be universal up to the overall space origin. Such agitations are useless. Moreover, they are harmful. Architects as a caste can survive only if there is a holistic approach to their profession. The architectural profession should be accepted as a whole but assailed from a certain distance, from an external point of view. Or, rather, from different types of distances: the maximum distance – for those who are the most politically active; the collaborationist distance – for those who are the most perverted; the corporate distance – for the most vicious ones...

What is my distance reflecting my professional attitude? I like interaction of contradictions and oppositions between the natural, barbarous or wild and the artificial cultivated by the life and expressed in the space. In architecture, this distance is realized as transformation of natural principles and norms into characteristics of artificial space. That is why I fully agree with those who call me a 'mannerist architect', and I am satisfied with the artistic opportunities provided

by Mannerism. But I also refer to the tradition of Baroque. I am both mannerly and baroque. It depends on days or seasons. I am usually mannerly from 8 a.m. till 8 p.m., and I am baroque from 8 a.m. till 8 a.m. I try to do everything what I can and even what I can't do. Today I am attracted by conceptual aspects of vulgarity, which I find to be an aesthetic sublimation of generosity.

Context as a negative pretext

If nature acts as an opponent in my architectural discourse, the surrounding landscape is a pretext for solution, a conceptually negative pretext. I think that a good integration in the environment is possible only when breaking it and installing something radically opposite into it.

It is like in the contemporary music, where contradicting things are finally compared and balanced. For example, I believe that the farther the landscape is from the horizontal surface, the more horizontal it should be in the building. I hate simulating gestures of material integration between architecture and landscape, imitations of its topography.

The term 'expressive minimalism' may seem funny to you... However, I usually don't associate my works with minimalism: at least, minimalism is my pretext. Low-technology structures and modesty

работы с минимализмом: по крайней мере, минимализм – это моя отговорка. Низкотехнологичные конструкции и скромность в отделочных материалах скорее отражают мои этические заботы и представляют собой мой сознательный и ответственный выбор. Это мое политическое кредо – против раздувания расходов на строительство, против академической культуры и господства политики в архитектуре, которая формирует эволюцию архитектуры сегодня.

Кризис архитектурной профессии

Есть ли надежда, что архитектура сможет выйти из нынешнего концептуального тупика? Я не знаю, в состоянии ли она справиться в одиночку... К счастью, другие, внешние по отношению к архитектуре влияния входят в нашу профессию ...

В самом деле, в моей общественной жизни у меня очень мало контактов с архитекторами. Мои друзья –

< Музей Жана Кокто в Ментоне, 2007 / Gallery of Jean Cocteau Museum, Menton, 2007

< Музей Средиземноморской культуры и цивилизации в Марселе, 2012 / the Museum of European and Mediterranean Civilizations (MuCEM), Marseille, 2012

in finishing materials reflect my ethic commitments and present my conscious and responsible choice. It is my political credo: against bloating construction costs, academic culture and dominance of politics in architecture which defines evolution of architecture today.

The crisis of the architectural profession

Is there a hope that architecture will be able to break today's conceptual deadlock? I don't know if it can do it alone... Fortunately, other influences come into our profession from outside...

Indeed, in my social life, I have very few contacts with architects. My friends are artists. My free time is occupied with artistic activity: art galleries; art experiments and cooperation with artists. I do believe that today artistic experience is more important than architecture. My intellectual and spiritual exchange with artists is very important for my work in architecture, and a viewer's artistic experience is important to understand my buildings. We live in a postconceptual period. In fact, having sunk in high technologies, architects do not understand the importance of this world. A conceptual idea is not something that can live without the architectural fabric. A concept is an originating principle, according to which a work of art or architecture is built up. The concept should be integrated in the material through the creative activity. More than ever, architecture

should be assimilated with a written form (a formal self-expression in terms of the form in the existing three-dimensional space). Today I am interested in the nobility of the material in this written form, so that the spatial art can be comprehensible as an expression through the system of forms in the three-dimensional space.

Restrictions and obligations

I don't know the location of the boundaries separating art from architecture, architecture from politics etc. There cannot be any boundaries at all... Architecture is going behind the development of artistic processes. Architects have lost their political obligations, while artists still try to save them. Art is no more an independent discipline.

The practice and development of conceptual art have blown out this classical definition of art, though architecture still maintains certain academic characteristics and is frozen in its social dimensions. Unlike artists, architects are stifled by the power. They are collaborators... They don't work in the field determined by the pure social and political position, like it used to be in the 1920-30s. They only reproduce the architectural methods of those years, while exhausting and denying the forms and becoming reactionaries. I believe that architects will be interested in radical extension of their critical responsibility, in unification and support of their critical positions de-

художники. Мое свободное время посвящено художественной жизни: художественные галереи, художественные эксперименты и сотрудничество с художниками. Я действительно считаю, что сегодня художественный опыт важнее архитектуры. Мой интеллектуальный и духовный обмен с артистами очень важен для моей работы в области архитектуры, и художественный опыт наблюдателя важен, чтобы понять мои здания. Мы живем в постконцептуальный период. На самом деле, погрузившись в технологии, архитекторы не понимают важности этого мира. Концептуальная идея не является чем-то, что может жить вне ткани архитектуры. Концепция – это порождающий принцип, по которому строится произведение искусства или архитектуры. Она должна быть интегрирована в сам материал через творческую деятельность. Более чем когда-либо архитектура должна быть уподоблена своего рода письменной форме (формальное самовыражение на языке формы в существующем трехмерном пространстве). Что меня интересует сегодня, так это благородство

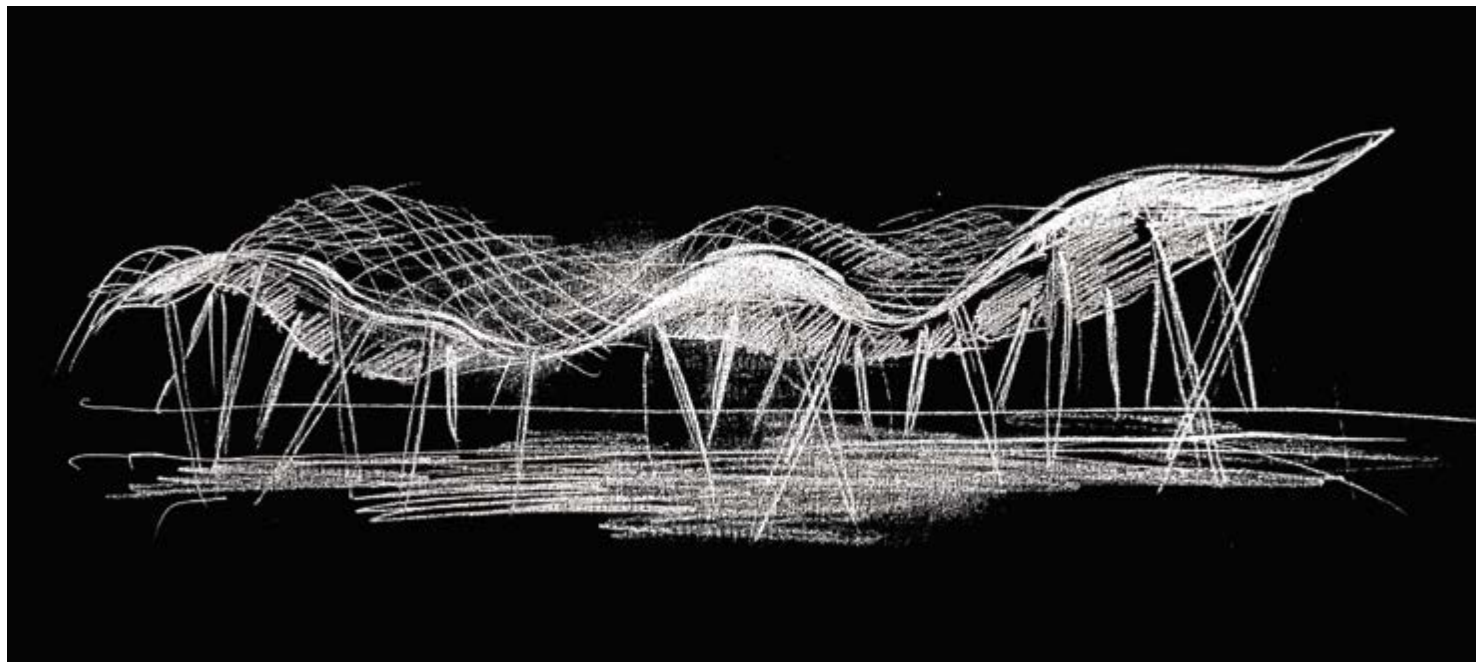
материала в этом письменном виде, что пространственное искусство должно быть понято как выражение через систему форм в трехмерном пространстве.

Ограничения и обязанности

Я не знаю, где проходят границы, отделяющие искусство от архитектуры, архитектуру от политики и т. д. Там просто не может быть границ... Архитектура не успевает за развитием художественных процессов. Архитектор потерял свои политические обязанности, пока художник все еще пытается сохранить их жизнь. Искусство уже не самостоятельная дисциплина.

Опыт и развитие концептуального искусства взорвали классическое определение искусства. Хотя архитектура все еще является дисциплиной определенного академического характера, застывшей в ее социальных измерениях. В отличие от художников, архитекторы сегодня задушены властью. Они – коллаборационисты... Они не работают в поле, обозначенном чистой социальной и политической позицией, как это было в 20–30-х годах

в Лувр, отдел исламского искусства. Эскиз внутренней структуры и формы покрытия. Париж, 2007 / Islamic Arts department at the Louvre. Sketch of the internal structure and covering, Paris, 2007

veloping in the artistic circles. But it seems to be a very high demand for our profession overloaded by consumption, technological, financial and entertainment demands and advertising opportunities. Now it is a hedonistic architecture...

Capitalism and bureaucracy

The building industry is seized by financial and bureaucratic vampirism, whose corporate orientation can kill small and medium handicraft industries and cultures of high quality. This threatens creative culture and traditions. Carpenters, woodworkers and metalsmiths still produce goods of high quality, which represent ancient building culture. But craftsmanship is dismissed for the sake of effective management and mass standardized production of plastic and aluminium goods. On the building sites of Europe, there are only apprentices, second-rate engineers and managers devoid of proper supervision over the building process. Listen... I am not a Marxist, but I cannot be a silent eyewitness of how capitalism destroys a living fabric of our culture...

Entrepreneurs usually try to save time and money at the expense of architecture, in particular, reducing the terms of exploration works and the design process. The result of this constant conflict influences not only the quality of the project, but also the degree of its conformi-

ty with the environmental context. This feeling was especially acute in 2004, when I won the competition for the Museum of European and Mediterranean Civilizations in Marseille, which I consider to be almost my native city. After the competition nothing was designed for many years, but suddenly it turned out that we had to finish it the following day.

I can't bear the administration's contempt for the architect's work...

How I became an architect

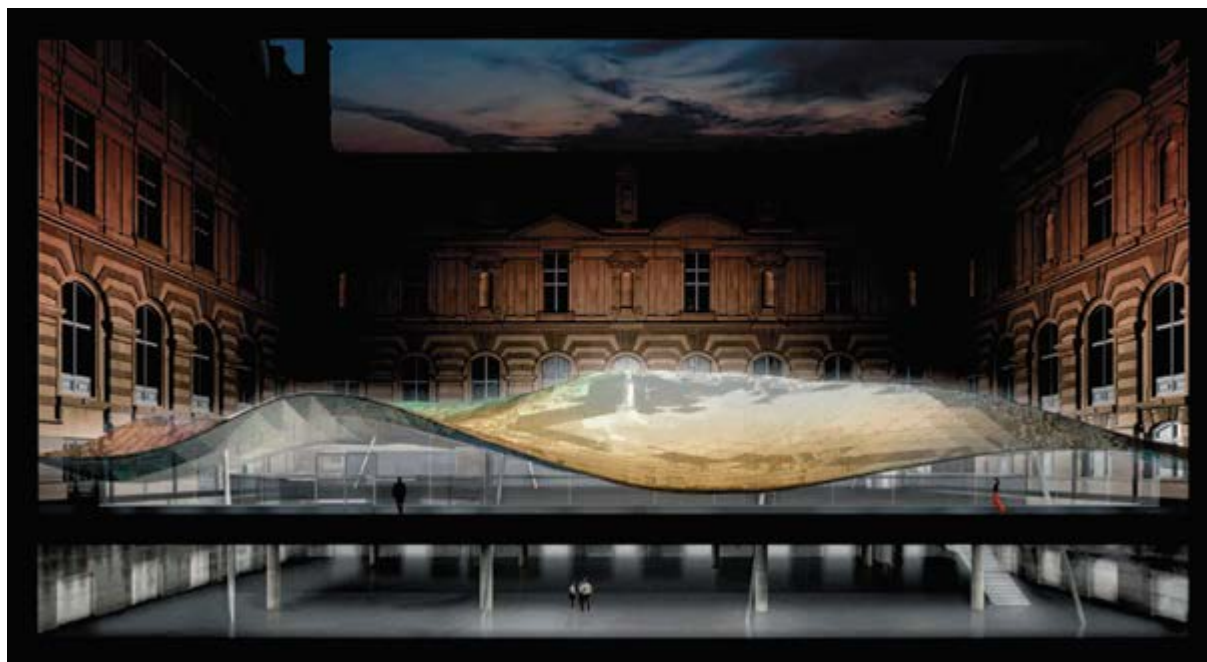
Why did I become an architect? By mistake... I lived in Camargue, going mad because of mosquitoes and becoming an autistic because of isolation. I was an ordinary pupil of primary and secondary schools, which, of course, were the same...

Before, I was so ordinary that architecture seemed to me the only way out. I thought that to be an architect was an easy job... I thought that to be an engineer was much more difficult. But then I gained an insight and I was frightened. Now, when I take part in competitions, I am afraid... of winning them. I am afraid of this thought and the fact that when I win, I lose, because I won't create a building worthy to occupy the certain space... The only rescue of this kind of fear is humour... First of all, for myself. Oh, I am sincere only

XX века. Они только беспомощно воспроизводят архитектурные методы этих лет, изнурия и отвергая формы и превращаясь в реакционеров. Полагаю, что архитекторы будут заинтересованы в радикальном расширении своей критической ответственности, в объединении и поддержке критических позиций, созревающих в художественных кругах. Но это, по-видимому, очень высокое требование для нашей профессии, перегруженной потребностями потребления, технологическими, финансовыми, развлекательными потребностями и рекламными возможностями. Теперь это гедонистическая архитектура...

Капитализм и бюрократия

Строительная индустрия охвачена финансовым и бюрократическим вампиризмом. Его корпоративная направленность убийственна для небольших и средних, но высококачественных ремесленных отраслей и культур. Здесь возникает угроза творческой культуре и традициям. Плотники и столяры, мастера по металлу и в настоящее время все еще производят высококачествен-

< Лувр, отдел исламского искусства, Париж, 2007 / Islamic Arts department at the Louvre, Paris, 2007

> Центр современного искусства и медиатека в Коломиерсе, 2007 / Center of Contemporary Art and Mediateque in Colomiers, 2007)

with myself. An architect shouldn't be too clever or too brave to do their work. The key should be given by your heart, you should be just a little mad and should not aspire to wisdom. On such conditions that I consider being mine, I believe that an architect is suitable for their job. But I never get used to easiness and pleasure when I work under the pressure of responsibility taken by me and play the game that I hate and that is called business.

ную продукцию, которая является носителем древней строительной культуры. Но мастерство отброшено ради эффективного менеджмента и массового стандартизированного производства из пластмассы и алюминия. На строительных площадках в Европе сегодня есть только ученики, посредственные инженеры и менеджеры, которым чужды функции реального надзора за строительством. Послушай... Я не марксист, но я не могу быть молчаливым свидетелем того, как капитализм разрушает живую ткань нашей культуры...

Предприниматели обычно стараются сэкономить время и деньги за счет архитектуры, в частности, сокращая сроки поисковых работ и самого процесса проектирования. Это постоянный конфликт, от исхода которого зависит не только качество проекта, но и степень его соответствия контексту окружающей среды. Это чувство было особенно острым, когда в 2004 году я выиграл конкурс на Музей европейской и средиземноморской цивилизации в Марселе, который я считаю почти своим родным городом. После конкурса в течение многих лет ничего не делалось, проектирование не происходило – и вдруг оказалось, что нам все нужно закончить на следующий день.

Для меня невыносимо презрение администрации к работе архитектора...

Как я стал архитектором

Почему я стал архитектором? По ошибке... Я жил в Камарг, сходя с ума из-за комаров и становясь аутистом из-за изоляции. Я был посредственным учеником в начальной школе и в старшей школе, которые, конечно же, и сами были...

Раньше я был настолько посредственным, что архитектура представлялась мне единственным выходом. Быть архитектором – легкая работа, думал я... Я думал, что быть инженером гораздо сложнее. Но потом я разобрался – и мне стало страшно. И теперь, когда я делаю конкурсы, я боюсь ... Боюсь, что смогу победить. Я боюсь этой мысли и того факта, что, когда я выиграю, я потерплю неудачу, потому что я не создам здание, которое достойно занимать пространство в этом месте... Единственное спасение от страха в этом смысле – юмор... Прежде всего для себя. О, я только искренен с собой.

Firstly, we shouldn't forget that we, architects, are responsible for the result of our work, the project realized under our name, for centuries. Nothing can compensate the load of this responsibility. Unlike politicians and urbanists who only plan and whose work remains merely words on paper, we and our projects face the whole society, because they are here on the ground, visible for everybody. We work with the laws of nature... and we are responsible for this.

Any cheats, careful lawyers, cunning entrepreneurs can get away clean, while architects are mules carrying the responsibility on their back.

Honour of the poor

My latest interests have not yet been expressed in the form of a manifesto, but I can answer like this... In my projects, I relied on the idea of the minimal in opposition to the minimalist, on the idea of the material which remembers its mode of production and follows the principles of production at a minimum energy expenditure. That is why I work with concrete, I develop this material...

Some people believe that its transportation, maintenance and processing are very difficult, but it's not true! Steel production demands 80 times more energy, and stainless steel and aluminium – 220 times more. Thus, these critical comments reveal drawbacks of the opponent

Архитектор не должен быть слишком умным или очень смелым, чтобы выполнять свою работу. Ключ должно дать ваше сердце, надо быть немного сумасшедшим и не искать мудрости. На этих условиях, которые я считаю своими, я думаю, архитектор подходит для работы. Но я никогда не испытываю легкости и удовольствия, когда работаю под тяжестью взятой на себя ответственности и занимаюсь самой ненавистой для меня игрой, которая называется бизнесом.

Во-первых, мы не должны забывать, что мы, архитекторы, ответственны за результат нашей работы, реализованный проект – с нашим собственным именем – будет существовать в течение десятилетий. Ничто не может компенсировать бремя такой ответственности. В отличие от политиков и урбанистов, которые только планируют и чья работа остается в форме слов на бумаге, мы стоим перед всем обществом с нашими проектами, потому что они на земле, здесь они, видимые для всех. Мы работаем с законами природы... и мы несем за это ответственность.

Любые мошенники, осторожные юристы, хитрые предприниматели могут выбраться из воды сухими, но архитектор – мул, который несет свою ответственность на своей спине.

Благородство бедных

Мои последние интересы еще не были выражены в форме манифеста, но я могу ответить следующим образом...

В моих проектах я полагался на идею минимального в оппозиции к минималистскому, идею материала, который помнит свой способ производства и следует принципам производства с минимальными затратами энергии. Вот почему я работаю с бетоном, я разрабатываю этот материал...

Некоторые считают, что это очень сложно для транспортирования, технического обслуживания, переработки. Но это клевета! Сталь требует в 80 раз больше энергии для производства, а нержавеющая сталь и алюминий – в 220 раз больше. Таким образом, в этих критических замечаниях обычно «торчат уши» конкурентных отраслей промышленности. В моих предыдущих проектах мне приходилось пересматривать исходную программу, чтобы я мог предложить еще один социальный план критического

industries. I had to reconsider the initial program in my previous works to propose another social plan of critical consideration. Now everything is different. For example, we use rough concrete for any number of storeys, which is rather unusual when it concerns a historical monument or a museum. The modernist tradition accepts the honour of concrete only in its vertical position. It is because of the traditions of fine arts and the vertical position of paintings hanging on the wall. The vertical plane refers to the iconography of power. And the problem was how to make the authorities accept the pictorial and graphic value of concrete not only as an innovative material, but also as the only material applicable to the horizontal plane. In the same way, I convince my clients that expensive stone flooring looks arrogant and immodest, like a gesture of admiration for power. That is why I present concrete as a part of arte povera, as a gesture of honorable poverty...

Short biography

Rudy Ricciotti was born in Algeria in 1952. He studied engineering in Geneva until 1974 and architecture at School of Architecture in Marseille until 1980. He lives in Cassis and has an office in Bandol, which he opened after graduating from school.

His early performances are characterized by a radical and economical approach, and diverse architectural forms full of energy. In the

рассмотрения. Теперь все по-другому. Например, при любой этажности мы ориентируемся на грубый бетон, что довольно необычно, когда речь идет об историческом памятнике или музее. Модернистская традиция признает благородство бетона только в его вертикальном положении. Это из-за традиций изобразительного искусства и вертикального положения картины, когда она висела на стене. Вертикальная плоскость относится к иконографии власти. И проблема заключалась в том, чтобы заставить административные органы принять изобразительную и графическую ценность бетона не только как инновационного, но и как единственно применимого материала в горизонтальной плоскости. Аналогичным образом я убеждаю своих клиентов, что дорогой камень на полу выглядит бесстыже и неприлично, это похоже на жест преклонения перед властью. Поэтому я представляю бетон как часть «бедного искусства», arte povera, как жест городской бедности...

Краткая биография

Руди Риччиотти родился в 1952 году в Алжире. Он изучал инженерное искусство в Женеве до 1974 года и архитектуру в Школе архитектуры в Марселе до 1980 года. Он живет в Кассисе и сразу же после окончания школы открывает свой офис в Бандоле.

Его ранние выступления характеризуются радикальным и бережливым подходом, разнообразными архитек-

beginning of the 1990s Ricciotti chose a rougher and more functional style focused on minimalism and energy efficient solutions.

He has become world-famous thanks to his exclusive Footbridge of Peace built in Seoul and the Nicolaisaal concert hall built in 2000 in Potsdam.

In addition to his multiple beautiful bridges created later, the most remarkable among his buildings are the museums, exhibition and cultural centers, where he applies his conception of 'demuseumification of museums': the Museum of European and Mediterranean Civilizations (2013), the Jean Cocteau Museum in Menton (2011), the 'Man and the Sea' museum in Monaco, Pavillion Noir in Aix-en-Provence, Les Arts Gstaad, the International Center of Art and Culture in Liège. In 2012 he created the Islamic Arts department at the Louvre (together with Mario Bellini). He runs a small publishing house Al Dante, which publishes photography and essays on architecture and poetry.

In France, he has received many honorary titles and prizes. He is recipient of the Legion of Honour, the Order of Arts and Letters, Gold Medal of Academy of Architecture and the National Order of Merit. He is a member of the French Academy of Technologies.

турными формами, полными энергии. С начала 1990-х годов Риччиотти выбирает более грубый и функциональный стиль, ориентируясь на минимализм и энергоэффективные решения.

Он получил международное признание благодаря своему эксклюзивному мосту Footbridge of Peace в Сеуле, построенному в 2002 году, и концертному залу Nikolaisaal в Потсдаме 2000 года.

Помимо множества прекрасных мостов, которые он делает позже, наиболее примечательными являются его здания – музеи, выставочные и культурные центры, где он применяет концепцию «демусеизации музеев»: Музей европейской и средиземноморской цивилизации (2013), музей Кокто в Ментоме (2011), музей «Человек и море» в Монако, Павильон нуар в Экс-ан-Провансе, Культурный центр Гштаад, Центр культуры и искусства Льежа. В 2012 году он создал Луврское отделение исламского искусства (вместе с Марио Беллини). Риччиотти принадлежит небольшое издательство «Аль Данте», в котором публикуются фотографии, эссе по архитектуре и поэзии.

Во Франции он был удостоен многих почетных званий и премий: Кавалер ордена Почетного легиона, лауреат Ордена Искусств и литературы, Золотой медали Академии архитектуры. Он кавалер Национального ордена «За заслуги» и член Французской академии технологий.

1. Это книга L'architecture est un sport de combat, Rudy Ricciotti, entretien avec David D'Equainville

2. BFUP – сверхвысокие бетоны (UHPC) – материал микрометрической структуры и высокого содержания примесей и цемента, малагабаритных наполнителей и уменьшенной пористости. Он обладает исключительной прочностью и стойкостью (130–250 МПа на сжатие / 20–50 МПа на изгиб), что исключает необходимость пассивной арматуры в конструктивных элементах. Он также характеризуется очень хорошей обрабатываемостью, часто самогерметизируясь во время укладки, и обеспечивает отличные эстетические качества и отделку благодаря своей очень тонкой текстуре

3. Камарг – болотистая местность, расположенная к югу от Арля во Франции, между Средиземным морем и двумя реками дельты Рона /

1. See the book L'architecture est un sport de combat, Rudy Ricciotti, entretien avec David D'Equainville.

2. BFUP is ultra-high-performance concrete (UHPC), the material characterized by a micrometric structure with a high admixture and cement content, compact filling and reduced porosity. It is defined by its exceptionally high strength and durability (compressive strength of 130-250 MPa, flexural strength of 20-50 MPa), which excludes the necessity of passive reinforcing steel in the structure elements. It is also characterized by a good processibility and self-sealing during its placement process. It provides excellent aesthetic qualities and finishing thanks to its fine texture.

3. The Camargue is a marshy area located south of Arles, France, between the Mediterranean Sea and the two arms of the Rhône delta.

